

На правах рукописи

Копнина Галина Анатольевна

**РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА:
ОПЫТ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Красноярск

2010

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и риторики
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор
Сковородников Александр Петрович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Чувакин Алексей Андреевич

доктор филологических наук, профессор
Колокольцева Татьяна Николаевна

доктор филологических наук, профессор
Шарифуллин Борис Яхиевич

Ведущая организация – Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Защита состоится 20 декабря 2010 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 650049, г. Красноярск, ул. Ленина, 70, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат разослан «__» ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Баш И.В. Башкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена обоснованию системного характера риторических приемов (далее – РП) русского литературного языка, под которым (языком) в данном случае понимается *единство системы и ее функционирования*.

Современный лингвист, занимающийся исследованием проблем элокуции как учения о словесном оформлении мысли, имеет в распоряжении богатое теоретическое наследие, в том числе многочисленные работы (от античности до наших дней), в которых описываются различные РП – прежде всего фигуры речи и тропы. Однако именно разработанность элокуции, породившая огромное количество терминов, как отмечает Г.Г. Хазагеров, служит препятствием к ее освоению [Хазагеров 2002]. Не является упорядоченным терминологический аппарат теории фигур, поскольку одно и то же явление по-разному терминологизируется в различных концепциях, в результате чего возникает не только нежелательная омонимия терминов, но и «размываются» границы между многими понятиями. Существует потребность в обобщении накопленного материала, систематизации выявленных особенностей построения элокутивных средств и их терминологических наименований.

Предложенные разными исследователями классификации фигур речи, будучи прогрессивными для своего времени, тем не менее не отражают все многообразие эмпирически наблюдаемых в литературной речи приемов. Отсюда возникает необходимость построения такой классификации РП, которая была бы адекватна современной языковой/речевой действительности и теории языка.

Объектом настоящего исследования являются риторические приемы современного русского литературного языка.

Предмет исследования – системные свойства и механизм образования РП как основа их идентификации и классификации.

Нельзя сказать, что проблема системности интересующих нас явлений не находилась в поле зрения ученых. Попытки систематизации тропов, фигур продолжают, начиная с античности: Горгий, Аристотель, М.Ф. Квинтилиан, Г. Хировокс, Псевдо-Горгий, Кокондриос, М.В. Ломоносов, А.С. Никольский, Н.Ф. Кошанский, К.П. Зеленецкий, М.Л. Гаспаров, В.И. Корольков, Ю.М. Скребнев, С.Ш. дю Марсэ, П. Фонтанье, А. Барон, М. Деги, Г. Плетт, Ж. Женетт, и другие. Эта проблема и сейчас волнует тех, кто занимается исследовани-

ем стилистических фигур, тропов и в целом выразительных средств языка/речи. Здесь можно назвать прежде всего Т.Г. Хазагерова и Л.С. Ширину, Г.Г. Хазагерова, С.Е. Никитину и Н.В. Васильеву, В.П. Москвина. Особого внимания заслуживают исследования, описывающие отдельные микросистемы фигур, построенных на основе общего принципа, – прежде всего, работы А.П. Сковородникова, Э.М. Береговской, И.В. Пекарской и их учеников, которые пишут о наличии лакун в теории элокуции: о неразработанности многих важнейших понятий, о необходимости системного подхода к их изучению. Значимыми для нашего исследования являются также работы Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелёва, И.М. Кобозевой, Т.Б. Радбиля, Н.Г. Бабенко, посвященные языковым аномалиям, а также В.З. Санникова, Б.Ю. Нормана, в которых характеризуются некоторые отклонения от постулатов и правил ведения диалога.

Теоретической основой исследования послужили также работы в области истории риторики (С.С. Аверинцев, В.И. Аннушкин, Н.А. Безменова, Т.В. Василенко, Н.Н. Василькова, А.А. Волков, В.П. Вомперский, М.Л. Гаспаров, С.И. Гиндин, Л.К. Граудина, Т.Ф. Дельская, Е.Н. Корнилова, Ю.М. Лотман, Е.В. Маркасова, А.К. Михальская, В.Н. Топоров, Н.М. Щаренская), неориторики (Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека; Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон), лингвистической прагматики (Г. Грайс, Н.Д. Арутюнова, Д. Гордон и Дж. Лакофф, Е.В. Падучева), коммуникативной лингвистики (М.М. Бахтин, В.Г. Гак, И.Р. Гальперин, Г.А. Золотова, С.А. Сухих, Е.И. Шендельс).

Методологической базой исследования выступает системный подход как общенаучное методологическое направление, в основе которого лежит философский принцип системности, понимаемый как универсальное положение о том, что все предметы и явления – это системы различных типов и видов целостности и сложности. Следовательно, системность – это объективное свойство материи, свойство, носящее всеобщий характер, а потому присущее и языку, и речи [Сидоров 1987]. Поэтому в процессе изучения приемов мы опирались как на постулаты общей теории систем о функционально-структурном изоморфизме объектов и явлений природы, целостности и функциональности системного образования (Л. фон Берталанфи, И.В. Блауберг, И.Т. Исаев, В.Н. Садовский, В.С. Тюхтин, Ю.А. Урманцев, Б.Г. Юдин), так и на основные положения русской классической и за-

рубежной лингвистики: о языке как особой функциональной системе семиотического характера, о разграничении языка и речи (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Ф. де Соссюр, Л.В. Щерба и др.), о динамическом характере нормы и множественности норм (Н.Д. Арутюнова, Л.К. Граудина, Я. Мукаржовский, Е.В. Ширяев, В.А. Маслова, В.И. Болотов).

Актуальность предпринятого нами исследования определяется: необходимостью перехода от изучения отдельных РП к описанию их системных свойств; потребностью в обобщении и систематизации накопленных в теории элокуции эмпирических данных об особенностях построения приемов, в описании закономерностей их функционирования в современном русском литературном языке; недостаточной разработанностью речедетельностного подхода к описанию выразительного потенциала прагматически мотивированных отклонений от нормы; востребованностью теоретических изысканий для оптимизации преподавания дисциплин коммуникативного цикла.

В основу исследования положена **гипотеза** о том, что РП (включая тропы и фигуры речи) представляют собой систему. При этом мы принимаем концепцию, согласно которой система есть «...такое функциональное образование, целостность которого обеспечивается благодаря наличию конкретного способа согласования структуры с субстанцией» [Общее языкознание 1970: 30].

Цель исследования – описать совокупность риторических приемов современного русского литературного языка как системное образование.

Названная цель обусловила постановку следующих **задач**:

- 1) рассмотреть проблему системного осмысления понятия нормы в современной лингвистике в соотнесении с общефилософским пониманием нормы;
- 2) определить понятие риторического приема;
- 3) выявить и охарактеризовать системные свойства риторических приемов;
- 4) определить отношение риторических приемов к системе языка и системе речи;
- 5) охарактеризовать механизм образования риторических приемов;
- 6) предложить общую классификацию риторических приемов на основе принципов их построения.

Материалом исследования послужили фрагменты литературной русской речи, рассматриваемые как воплощения моделей РП и взятые нами в контексте, необходимом для определения их функции. Речевой материал извлекался из текстов разной стилиевой принадлежности XX – начала XXI века методом случайной выборки. Общий объем картотеки речевых фактов составил свыше трех с половиной тысяч единиц. Это не только речевые факты, которые рассматривались исследователями в рамках тропов (как явлений парадигматики) и фигур речи (как синтагматически образуемых средств выразительности речи), но и обнаруженные нами РП, которые не входили в предшествующие классификации.

В процессе исследования использовались следующие основные **методы**: описательно-аналитический метод, предполагающий анализ полученных результатов и их описание в рамках соответствующей теоретической концепции; моделирование как один из методов системного анализа; метод стилистического эксперимента; методы композиционного, контекстологического, дистрибутивного и компонентного анализа текста. Все эти методы применялись в рамках общенаучного системного подхода, согласно которому описание элемента объекта должно осуществляться с учетом места объекта в системе в целом. Избрание названной методики обусловлено целью и задачами данного исследования и состоянием его изученности.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой первое системное описание РП на основе осмысления нормы как системы. Наряду с обобщением известных фактов по теории нормы, теории элокуции, в нем представлены собственные разыскания, связанные с попыткой осмысления принципов и постулатов речевого поведения, описанием моделей РП и их нейтрализации как одного из проявлений динамичности системы приемов. Новыми являются структурные классификации ряда подсистем РП, наблюдения над особенностями их взаимодействия и функционирования, идеи, связанные с формулированием критериев, позволяющих отграничивать РП от речевых тактик. Новизна исследования также видится в том, что оно представляет собой опыт системного осмысления накопленного со времен античности материала с позиций современной теории языка.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие: междисциплинарной теории нормы (представляет обоснование системного характера речевой нормы в

соотнесении с общефилософским осмыслением понятия «норма»), неориторика (углубляет знания в области элокуции, помогает разъяснить не терминированные ранее речевые явления в рамках предложенной концепции РП, а также в определенной степени позволяет уточнить и упорядочить терминологию в этой области), лингвопрагматики и теории речевого воздействия (описание РП, осуществленное с учетом принципов их продуцирования, позволяет не только интерпретировать все многообразие речевых фактов, представленных в современной литературной речи, но и объяснить их воздействующий потенциал).

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных результатов в процессе преподавания коммуникативных дисциплин («Риторика», «Стилистика», «Культура речи», «Русский язык и культура речи»), при разработке учебных курсов и тренингов по риторике для желающих овладеть искусством эффективного общения, поскольку системное осмысление теоретического материала – залог его успешного усвоения. Результаты исследования могут быть полезными как при совершенствовании имеющихся лингвистических словарей и справочников, так и при написании новых.

Практическую значимость работы также видим в том, что описание прагматически мотивированных отклонений от нормы (или ее нейтрального варианта) может способствовать решению такой задачи, как выработка конкретных и обоснованных рекомендаций по функционально оправданному использованию РП в различных функциональных сферах русского литературного языка, в том числе в СМИ.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. РП представляет собой прагматически мотивированное и моделируемое отклонение от норм языка/речи или их нейтральных вариантов с целью оказания определенного воздействия на адресата. Норма, языковая и речевая, осмысливается как системное явление.

2. Совокупность РП представляет собой системное образование, которое может быть описано только с учетом общефилософской категории нормы, востребованной современной теорией языка. В рамках этой теории выдвигается идея множественности норм, позволяющая обосновать системный характер речевой нормы и понятие ее нейтрального варианта, которое может быть осмыслено вслед за Ю.М. Скробневым как норма нерегулярности текстовой структуры.

3. Системными свойствами РП являются:

а) мотивированность (прагматическая обоснованность) отклонения от нормы как перехода в речи к такому способу выражения (устному или письменному), который не соответствует обычному, регламентированному, или отклонения от нейтрального варианта нормы как неэкспрессивного способа выражения в той или иной ситуации;

б) моделируемость как воспроизводимость по образцу;

в) способность к нейтрализации (снятию отклонения): а) контекстуальной, или речевой, – такое переосмысление отклонения, при котором ненормативное на первый взгляд явление осмысливается как речевая норма; б) языковой – такой процесс, при котором речевая единица становится элементом структуры языка – нормативно-экспрессивным (относительная нейтрализация) или нормативно-нейтральным (абсолютная нейтрализация, при которой прием теряет свой статус, т. е. перестает быть приемом);

г) функциональная общность (наличие общей прагматической функции);

д) способность к взаимодействию (конвергенции) между собой.

Абсолютный (обязательный) характер отклонения от нормы или ее нейтрального варианта и моделируемость РП – основное его отличие от речевой тактики.

4. Непротиворечивая классификация РП должна строиться на основе их сущностного принципа (особенности устройства). Таковым является принцип отклонения от нормы или ее нейтрального варианта. Способы, при помощи которых оно осуществляется, могут квалифицироваться как частные (операциональные) принципы, или операторы отклонения.

5. Реализация общего (базового) принципа отклонения дает нам РП, представляющие собой: 1) отклонения от языковой нормы или ее нейтрального варианта и 2) отклонения от речевой нормы или ее нейтрального варианта. В рамках каждого этого типа отклонений выделяются подтипы, которые коррелируют с соответствующими видами норм и осуществляются при помощи операторов: расчленения, замещения, переноса, уменьшения, увеличения. Последние три оператора могут быть детализированы. Описание модели РП подразумевает определение типа отклонения и соответствующего оператора (операторов).

6. Существует изоморфизм построения РП в отношении продуцирующих их принципов (общего принципа отклонения и операцио-

нальных принципов), что является проявлением одного из системных свойств этих приемов в современном русском литературном языке.

7. Системный характер РП подтверждается существованием многочисленных синкретичных образований. Синкретизм операциональных принципов может быть горизонтальным (операторы реализуются последовательно) и вертикальным (операторы реализуются одновременно). Можно говорить также о существовании синкретизма внутритипового (синкретизма операторов в рамках отклонения одного типа) и межтипового (синкретизма операторов, осуществляющегося в рамках отклонений разного типа). Приемы, реализуемые на основе двух и более операциональных принципов, названы синкретичными.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались в докладах и сообщениях на научных, научно-практических конференциях различных уровней, в том числе международного: «М.В. Ломоносов и развитие русской риторики» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 24 ноября 2004 г.), «Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика» (Сибирский федеральный университет, 21-23 сентября 2005 г.; 10-12 сентября 2007 г.), «Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты» (Южный федеральный университет, 3-7 октября 2007 г.); «Системное и асистемное в языке и речи» (Иркутский государственный университет, 10-13 сентября 2007 г.); «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (Кемеровский государственный университет, 4 июля 2008 г.); «Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее» (Красноярск, 19-21 ноября 2009 г.). Материалы исследования были апробированы также в процессе преподавания курса «Риторика» студентам, обучающимся по специальностям «филология», «журналистика» и «юриспруденция» в Сибирском федеральном университете, что нашло отражение в опубликованных программах и методических рекомендациях по дисциплине; в процессе преподавания на курсах повышения квалификации профессорско-преподавательского состава по утвержденной Министерством образования и науки РФ программе «Коммуникативные компетенции преподавателя высшей школы в контексте модернизации профессионального образования в РФ».

По материалам диссертации опубликовано 36 работ, в том числе монография; учебное пособие; семь научных статей в рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК; ряд словарных статей, посвященных различным РП, в энциклопедических словарях: «Культура

русской речи» (Антиметабола, Апокопа, Геминация, Иллеизм, Кольцо, Редупликация, Хиазм, Эпифора), «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» (Канцеляризмы), «Стилистический энциклопедический словарь» (Парцелляция).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения (принятые в работе сокращения).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, характеризуются объект, предмет, цель и вытекающие из нее задачи, материал и методы исследования, определяется его научная новизна, теоретическая и практическая значимости, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Осмысление системообразующих свойств РП невозможно без обращения к понятию нормы и анализа его трактовки в современном языкознании: «...когда мы говорим об ошибках или приемах, требуется углубленная характеристика нормы» [Мурзин 1989: 5]. Поэтому в **главе I «Проблема системного осмысления нормы в современной лингвистике»** даются различные определения понятия нормы, рассматривается проблема классификации разновидностей нормы в ее широком (философском) понимании, особое внимание уделяется дискуссионным вопросам трактовки речевой нормы.

1. О философском понимании нормы в современном языкознании и множественности норм языка и речи

В параграфе проводится мысль о том, что понятие нормы в лингвистике употребляется в разных значениях: с одной стороны – как всевозможные виды и формы порядка (Н.Д. Арутюнова, А.И. Лызлов, С.Н. Плотнокова), с другой – как предписания к поведению человека, в том числе вербальному (В.А. Маслова); признается правомерность выдвигаемой исследователями (В.А. Масловой, В.И. Болотовым, А.А. Ивиным, Т.В. Матвеевой, Я. Мукаржовским, Н.Н. Семенюк) идеи о *множественности норм*, отражающих опыт социального бытия людей, позволяющей рассматривать нормы языка и нормы речи как разновидность социальной нормы (представители Пражского лингвистического кружка, В.Н. Волошинов, С.А. Сухих, Л.П. Рыжова, А.Г. Лыков и многие другие), имеющей конвенциональный характер и

являющейся в свою очередь частью общей концептуальной модели мира.

Норма в лингвистическом понимании осмысливается как принятое обществом представление о системе языка и закономерностях его функционирования в данный исторический период, отраженное в узусе (общепринятом употреблении) и сформулированное в виде правил (кодифицированное).

Признание дихотомии *язык-речь* влечет необходимость разграничения норм языка (языковых норм) и норм речи (речевых норм). При этом следует иметь в виду, что различие языка и речи не есть отрицание их взаимосвязи: речь – система языка в действии, функционировании его элементов.

Определение языковой нормы и выделение ее разновидностей не являются столь дискуссионными, как трактовка нормы речи. Идея множественности норм применительно к норме речевой не получила еще должного развития.

2. Дискуссионные вопросы трактовки понятия речевой нормы

В параграфе анализируются различные точки зрения на понятие речевой нормы. Отмечается, что при осмыслении этого понятия одни языковеды исходят из понимания речи как текста – законченного речевого произведения, связного целого, реализующего авторский замысел (отсюда дублетное употребление терминов «речевая норма» и «текстовая норма»), другие – как речевого поведения. В первом случае речь анализируется преимущественно с функционально-стилистической точки зрения, во втором – с лингвопрагматической. Между тем и коммуникативные качества речи, и принципы речевого поведения одинаково применимы к монологу и диалогу, к речи как процессу и к речи как его результату (тексту).

2.1. Нормы речи как нормы текста

Применительно к тексту понятие речевой (текстовой) нормы осмысливается в научной литературе как: а) типичные реализации текстовых категорий в рамках функционального стиля (Т.В. Матвеева); б) жанровые нормы (Т.Б. Радбиль, Б.С. Шварцкопф); в) общие принципы текстопорождения (Т.Б. Радбиль); г) среднестатистические нормы организации и упорядочения текста (К.Б. Бектаев, Л.И. Белозерковская, Р.Г. Пиотровский), или «общий принцип нерегулярности текстовой структуры», для которого не характерна регулярная встречаемость однородных в каком-либо отношении языковых единиц

(Ю.М. Скребнев) и который может квалифицироваться как нейтральный вариант речевой нормы.

В работе текстовая норма определяется как правила построения письменного или устного текста, обеспечивающие его связность, цельность, адекватность авторской интенции, а также среднестатистические языковые характеристики текстов определенной стилевой и жанровой принадлежности. Такое определение *общей текстовой нормы* характеризует нормы речи как явление статическое, в отличие от динамического (нормы речи – нормы речевого поведения). Общая текстовая норма не совпадает с индивидуально-авторской нормой, или нормой индивидуального стиля.

2.2. Нормы речи как нормы речевого поведения, или лингво-прагматические нормы

К нормам речевого поведения относят принципы, постулаты и правила речевого общения. Эти нормы называют также речеповеденческими, лингвоэтологическими (А.П. Сковородников), коммуникативными (В.Н. Самгар), коммуникативно-прагматическими (Н.С. Болотнова), нормами конвенционального речевого поведения (М.В. Колтунова), конверсационными нормами (Н.Л. Соколова), нормами речевого общения (С.А. Сухих).

В параграфе рассматривается проблема соотношения понятий *закон, постулат, принцип, максима, правило речевого поведения*; отмечается отсутствие общепринятой классификации принципов и постулатов, неупорядоченность в терминологии и несогласованность в выделении тех принципов/постулатов общения, которые коррелируют между собой, частично или полностью дублируют друг друга.

Принимая во внимание современную концепцию культуры речи, ориентированную на решение проблемы оптимального речевого воздействия и взаимодействия, полагаем, что под законом эффективного общения можно понимать *объективные* условия эффективного общения, а принцип эффективного общения определять как «перевод» этого закона в модальность предписания (нормы) на более высоком уровне абстракции и обобщения, чем постулат и правило.

Принципами речевого общения называем основные положения теории лингвопрагматической (коммуникативно-прагматической) нормы, обобщающие практический опыт народа и отражающие закономерности речевого общения; постулатами речевого общения – принципы частного порядка, направленные на реализацию основных положений (руководящих идей, установок), которые должны соблю-

даться во всех коммуникативных ситуациях; правилами речевого общения – конкретные рекомендации по оптимальному речевому взаимодействию, реализующие те или иные постулаты общения.

Осмыслению значимости принципов и постулатов речевого общения способствует тщательное изучение различного рода РП, так как норма ощутима тогда, когда она нарушается.

2.3. О взаимосвязи текстовых и лингвопрагматических норм

Противопоставление текстовой нормы норме лингвопрагматической носит относительный характер, поскольку и в том, и в другом случае имеется в виду язык в его функционировании. Возможность осмысления, анализа текста в двух аспектах (с точки зрения речевой деятельности и с точки зрения ее продукта), наличие корреляций между принципами, правилами речевого общения, коммуникативными качествами хорошей литературной речи и текстовыми категориями позволяют предположить *системный характер речевой нормы*, которая представляет собой совокупность следующих типов норм, соотносимых с разными аспектами рассмотрения явлений речевой действительности:

функционально-стилистическая, или *функционально-речевая* норма (понимаемая вслед за Пермской школой как наиболее целесообразные в той или иной сфере общения реализации принципов отбора и сочетания языковых средств, создающих определенную стилистико-речевую организацию; в ее рамках выделяется жанровая норма);

ситуационно-речевая норма (соответствие речи социальной роли, коммуникативному намерению, условию и обстановке, в которой происходит общение; ее ситуационная уместность);

информационно-речевая норма (смысловая полнота и завершенность, отсутствие превышения оптимального количества информации, используемой для передачи сообщения);

логико-речевая норма: формально-логическая как соблюдение законов формальной логики и предметно-логическая как соответствие содержания речи общепринятой картине мира;

этико-речевая норма (система нравственных предписаний к речи говорящего) и тесно связанная с ней *эстетико-речевая* норма (эстетическая выдержанность речи как ее максимальная приближенность к идеалу прекрасного).

Применительно к речи можно говорить также о существовании *нормы нерегулярной встречаемости однородных языковых единиц* как

системе статистических показателей, характеризующих «принцип нерегулярности текстовой структуры» (по Ю.М. Скребневу) (отсутствие закономерностей в чередовании языковых единиц, их повторяемости, совместной встречаемости единиц одного парадигматического класса).

Глава II «Понятие риторического приема, его системные свойства, отношение к системе языка и системе речи» посвящена обоснованию концепции РП, которая позволяет объяснить и квалифицировать ранее не терминованные приемы.

1. Мотивированное отклонение от нормы, ее нейтрального варианта как базовый принцип построения риторических приемов и их системообразующее свойство

Обоснование системообразующего свойства РП начинается с отграничения отклонения от других близких ему понятий в параграфе 1.1. «Отклонения от нормы и смежные понятия: отклонение от стереотипа, отклонение от стандарта, отклонение от нулевой ступени, нарушение нормы, колебание нормы и аномалия». В нем отмечается, что термин «отклонение от нормы» широко используется в современной лингвистической литературе, однако дефиниции этому термину исследователи, как правило, не дают, очевидно, в силу его семантической прозрачности. Между тем термин «отклонение», как и всякий другой научный термин, нуждается в дефинировании (определении).

Понятие отклонения от нормы определяется в работе следующим образом: *отклонение от нормы* (применительно к языку/речи) – это переход в речи к такому способу выражения (устному или письменному), которое не соответствует обычному, регламентированному, что связано с особым восприятием мира адресантом, его эмоциональным состоянием и/или стремлением оказать определенное воздействие на адресата.

В параграфе разграничиваются понятия «норма» и «нулевая ступень нормы» как ее нейтральный вариант и, соответственно, отклонение от нормы и отклонение от нулевой ступени нормы (от нейтрального варианта нормы). *Отклонение от нулевой ступени нормы* – это отход от нормативно-нейтрального способа выражения в той или иной конситуации.

Нередко как дублиеты используются в научной литературе термины «нарушение нормы» и «отклонение от нормы», однако необходимо иметь в виду, что первый термин, в отличие от второго, ассоциируется скорее с негативными отклонениями (ошибками), нежели с

приемами как отклонениями прагматически мотивированными, которые именуют также «мнимыми нарушениями нормы» [Ризель 1973: 79].

Если норму осмыслять как образец, стандарт (Р.Р. Каспранский, Э.М. Гукасова, Н.И. Формановская), то терминологические сочетания «отклонение от нормы» и «отклонение от стандарта (стереотипа)» можно признать синонимическими. Однако следует иметь в виду, что сочетания «речевая норма» и «речевой стереотип» в системе современной лингвистической терминологии не находятся в отношениях синонимии: под языковым (речевым) стереотипом, или клише, понимают любые устойчивые выражения, или, другими словами, многократно повторяющиеся речевые единицы, подвергшиеся стандартизации. Поэтому в работе предпочтение отдается понятию нормы, а не стереотипа или стандарта, хотя и признается, что языковые, речевые и другие социальные нормы – это тоже стереотипы, заданные человеком, но с модальностью предписания.

Отклонение от нормы, как и колебание нормы, может рассматриваться в качестве проявления нестабильности плана выражения (выбирается ненормативный способ оформления мысли или нормативный, но не нейтральный – т. н. «нормативная вариантность»).

Термин «аномалия» используется в литературе, с одной стороны, как синоним «отклонения» (О.С. Ахманова, С.Н. Плотникова и др.), с другой стороны, он употребляется для наименования разновидности отклонения и обозначает такое отклонение, для которого «...достаточно легко предложить стандартный способ выражения в языке» [Кобозева, Лауфер 1990: 126], поэтому фигуры мысли некоторые исследователи к аномалиям не относят.

1.2. Риторический прием: определение понятия и обоснование термина; дискуссия о целесообразности/нецелесообразности использования идеи отклонения при определении фигуры/приема

В параграфе доказывается, что термин «фигура», как и другой более широкий термин «стилистический прием», не покрывает все существующее в современной речевой практике многообразие различного рода отклонений от нормы, отсюда обосновывается необходимость терминирования прагматически мотивированных отклонений от норм различного типа. В качестве гиперонимического предлагается термин «риторический прием».

Включая в понятие нормы не только норму языковую (в ее традиционном лингвистическом осмыслении), но и речевую, а также учи-

тывая существование их нейтральных вариантов, *риторический прием определяем как мотивированное целеустановкой говорящего / пишущего и условиями общения (контекстом и/или ситуацией) отклонение от норм языка/речи или их нейтральных вариантов с целью оказания определенного воздействия на адресата.*

Мотивированность (стилистическая и – шире – риторическая) отклонения от нормы или ее нейтрального варианта является системообразующим свойством РП, так как свойство быть приемом (а не ошибкой) отклонение получает лишь в той или иной конситуации.

В соответствии с пониманием РП как прагматически мотивированного отклонения не является, напр., фигурой речи, прономинализация в следующей ее трактовке: «фигура речи, состоящая в замене имени существительного местоимением...», «прием ухода от тавтологии». Один из примеров: *Пошел мокрый снег. Едва касаясь земли, он тут же таял* (Ю. Нагибин) [Москвин 2006: 247]. В данном случае замена существительного местоимением нормативна и служит средством связи.

В параграфе приводятся аргументы в защиту целесообразности использования идеи отклонения при определении приема. Помимо прочих аргументов, отмечается, что появление в речи фактов, отклоняющихся от нормы, обусловлено конструктивным механизмом организации сложных систем. Обращаясь к закономерностям функционирования мозга, исследователи отмечают сосуществование в нем хаоса и порядка, которое детерминирует изменение данной системы. Более того, «нейрофизиологические исследования свидетельствуют о том, что хаос (ограниченный, или детерминированный) в организме человека жизненно важен. Он создает возможность четко реагировать на изменившиеся внешние условия, *надлежащим образом действовать и творить*» (курсив наш. – Г. К.) [Самигулина 2007: 108]. Именно отклонением объясняется непредсказуемость приема и производимый им эффект.

Отказ от теории отклонения приводит к тому, что главным для идентификации приема и фигуры объявляется не структурный, а функциональный критерий. В результате традиционные тропы и фигуры ставятся в один гипонимический ряд с различного рода речевыми тактиками, речевыми актами, психологическими способами воздействия на адресата, полемическими уловками, речевыми жанрами, т. е. происходит объединение в одну группу феноменов разной речевой природы. Между тем, как показывает анализ речевых фактов, для

РП отклонение от нормы или ее нейтрального варианта – признак абсолютный (обязательный), в отличие от, напр., речевой тактики, для которой он факультативен.

1.3. Принципы построения риторических приемов: определение понятия и проблема классификации

Применительно к РП принцип определяется как особенность его устройства (А.П. Сковородников, И.В. Пекарская, А.А. Кузнецова и др.). Отклонение от нормы является главным (общим) принципом построения РП. Этот принцип характеризует онтологическую сущность приема. Общий принцип отклонения реализуется при помощи частных (операциональных) принципов, или операторов. Так, напр., изоклон (полный синтаксический параллелизм) основан на отклонении от нейтрального варианта речевой нормы (нарушается «принцип нерегулярности текстовой структуры») при помощи оператора синтаксического повтора, напр.: *Поставили чайник, откупорили вино, нарезали торт, съели часть, выпили вино* (Л. Петрушевская. Темная судьба).

Отсутствие общепринятой типологии принципов построения РП приводит к многообразию их классификаций, аналитический обзор которых представлен в одноименной монографии.

2. Моделируемость риторических приемов как системоприобретенное и дифференцирующее свойство

В последние десятилетия понятие модели распространяется в лингвистике и на явления речевого характера: говорят о модели текста как совокупности определенным образом организованных категорий (Т.В. Матвеева); графической модели (= схеме) коммуникативного процесса (Б.Н. Головин); модели (= структуре) речевого акта (О.С. Иссерс); модели высказывания как регулярно воспроизводимой в живой коммуникации совокупности определенных признаков отрезка речи: соответствие структурной схеме (модели) предложения, способность быть отдельной репликой в диалоге, интонационное оформление и др. (М.Я. Дымарский); модели речевого жанра как «типовом проекте», каноне, схеме жанра (Т.В. Шмелёва), но задачи теоретического обоснования правомерности выделения речевой модели наряду с языковой исследователи, как правило, не ставят, а само выделение языковых и речевых моделей нельзя рассматривать как классификацию лингвистических моделей, поскольку понятие модели в этих случаях осмысливается по-разному.

В стилистике и риторике обычно говорят о моделях тех РП, за которыми исторически закрепилось наименование *стилистические*

приемы (в работах И.Р. Гальперина, Н.П. Харченко, В.С. Чулковой, В.И. Королькова, Н.В. Васильковой, Н.А. Боженковой и некоторых других). Можно признать, что все РП (а не только те, которые описаны в стилистике) так или иначе моделируемы (воспроизводимы на основе определенного конструктивного принципа их организации), особенно если, вслед за А.П. Сковородниковым, под моделью РП понимать «...не только конфигурацию его элементов в отвлечении от конкретного лексического наполнения (некую схему, служащую "стандартом (эталоном) для массового воспроизведения" <...>), но и совокупность условий (факторов), составляющих "технологию" отклонения от нормы (или ее нейтрального варианта)...» [Сковородников 2005: 170].

Модель РП является, с одной стороны, речевой, потому что отклонение происходит в речи, а с другой стороны – языковой в том смысле, что оно осуществляется при помощи языковых средств. Моделируемость РП связана как с моделируемостью речевой деятельности человека в целом, так и с наличием продуцирующих приемы операциональных принципов: *описание модели осуществляется через описание «технологии» отклонения.*

Моделируемость РП – свойство системоприобретенное, обусловленное регулярной и массовой повторяемостью. Умение удачного построения и использования РП относится к особому уровню владения языком, составляет компонент того, что называют «креативностью речевого владения». Именно свойством моделируемости можно объяснить факты в какой-то степени неосознанного продуцирования РП.

РП обладают *различной степенью моделируемости*: для построения целого ряда РП достаточно использования какого-то одного оператора (напр., повтора, представленного в приведенном выше примере), другие же приемы строятся на основе нескольких операторов, напр.: *Знаю три **языка**: **вареный говяжий**, **консервированный свиной** и **немецкий** (со словарем)* (ЛГ. 2005. № 28). Ядерное слово *язык*, будучи соотнесенным с семантически неоднородными понятиями, одновременно реализует два значения, которые в системе языка свойственны разным словам-омонимам: 1) язык как орган животного в качестве кушанья и 2) язык как система звуковых, лексических и грамматических средств, используемая в качестве средства общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей. Тем самым осуществляется отклонение от языковой (лексической) нормы при помощи

оператора наложения (совмещения в слове значений омонимичных слов) и отклонение от речевой (а именно формально-логической) нормы при помощи оператора аттракции (совмещение логически неоднородных понятий в перечислительном ряду).

Обязательность отклонения от нормы является признаком, разграничивающим РП и речевые тактики: для РП отклонение от нормы есть абсолютный признак, а для тактики этот признак факультативен. Более того, один и тот же прием может служить средством реализации разных тактик. И, наоборот, одна и та же тактика может быть реализована при помощи различных средств, в том числе РП. В качестве иллюстрации рассматриваются примеры эпекфонезиса («выражение сильных душевных движений путем восклицания») из книги М.А. Горте «Фигуры речи: терминологический словарь» (М., 2007): *Твое создание я, Создатель! / Твоей премудрости я тварь, / Источник жизни, благ податель, / Душа души моей и царь!* (Г.Р. Державин. Бог); *Я понял его: бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности, говоря языком бумажным, – и как же он был награжден!* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени). В первом случае выражение сильных чувств осуществляется при помощи риторического обращения, антитезы (*царь – тварь*), синтаксического хиазма (*Источник жизни, благ податель*) и полиптиота (*душа души*); во втором – с помощью синтаксического анаколуфа и риторического восклицания (*Я понял его <...> как же он был вознагражден!*).

3. Риторический прием в его отношении к системе языка и системе речи. Понятие нейтрализации применительно к риторическому приему

РП в нашем понимании (как мотивированные отклонения от нормы или ее нейтрального варианта) относятся прежде всего к речи, однако они могут входить в систему языка, о чем говорится в 3.1. «Пути вхождения риторических приемов в систему языка (языковая нейтрализация риторических приемов)». Пути вхождения РП в систему языка закреплены терминологически применительно к тропам: *речевой* (индивидуально-авторский) троп → *языковой* троп → «*мертвый*» («стершийся») троп, который уже не является РП. Ср., напр.: «*их невинный роман быстро отцвел, осыпался*» (В. Шугаев. На пасеке) (речевой троп), *ножка стула, ножка одуванчика, лист бумаги* («мертвый» троп) и *косой взгляд* (языковой троп). Явление, когда ре-

чая единица становится фактом языка, названо языковой нейтрализацией.

Намечаются две ступени вхождения РП в систему языка: 1) *относительная*, или *частичная*, когда прием является отклонением от нейтрально-нормативного варианта нормы и частично сохраняет экспрессивный заряд; 2) *абсолютная*, или *полная*, когда речевая единица теряет экспрессию и перестает быть приемом. Напр., этимологически окказионализмами являются слова *будущность* (принадлежит Н.М. Карамзину), *стусеваться* (принадлежит Ф.М. Достоевскому), *непротивление* (было придумано Л.Н. Толстым) [Лыков 1977]. Языковая нейтрализация свидетельствует о динамическом характере системы РП.

При рассмотрении оппозиции норма – отклонение от нормы возникает вопрос о правомерности квалификации отклонения от нормы как элемента структуры языка, так как само отклонение от нормы происходит в области речи, индивидуального речевого употребления, что постулируется многими лингвистами. Описание отклонения от нормы как явления не только речи, но и языка оправдано тем, что, во-первых, языковые правила в некотором смысле сами предусматривают возможность отклонения от них (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Б.Н. Головин, М.Н. Кожина, Я. Мукаржовский, А.Д. Шмелёв, Т.Б. Радбиль) и, во-вторых, система языка реализуется в речи как форма выражения закономерных связей его элементов, а существование определенного «фона оптимальных отклонений от нормы» признается одним из условий успешного развития языка (В.А. Григорьев, Т.И. Григорьева). Нейтрализация отклонения в РП возникает благодаря градационному шкалированию нормы и отклонения от нее (Н.Д. Арутюнова, Э. Сепир). Чем чаще и легче воспроизводится какой-либо прием в единстве его формы и содержания, тем ближе он перемещается по градационной шкале «отклонение от нормы – норма» в сторону нормативности и тем быстрее закрепляется (как результат нейтрализации отклонения) в языковой системе в качестве устойчивой единицы.

РП могут подвергаться не только языковой, но и речевой, или контекстуальной, нейтрализации, чему посвящен параграф 3.2. «Речевая нейтрализация риторических приемов в аспекте системности речи и их функциональная близость».

Обоснованию речевой системности посвящены работы М.Н. Кожинной, Г.Г. Матвеевой, Т.В. Матвеевой, А.В. Карабыкова,

Е.В. Пономаренко, А.А. Припадчева, Е.В. Сидорова и других исследователей. Речевую системность изучают в разных аспектах, напр., М.Н. Кожина и ее ученики – в стилистическом (они пишут о речевой системности функционального стиля), Е. В. Сидоров – в речедеятельностном (он говорит о системности акта речевой коммуникации, системности текста и системности текстового компонента, обосновывая тем самым общую системность речи).

РП обладают особой системностью в пределах текста, что обеспечивается их общей направленностью на реализацию коммуникативного замысла. Под системностью РП в том или ином тексте понимается их взаимообусловленность и их взаимоотношение внутри данного текста (системный характер использования). О возможности «переключки» на большем или меньшем «расстоянии» в пределах связного текста множества фигур, «...образующих в "словесной ткани" высказывания какую-то достаточно осязаемую систему внутренних скреп», писал В. И. Корольков [Корольков 1973: 87]. Анализ такого рода «переключки» различного рода приемов, а не только фигур, т. е. анализ их конвергенции (способности взаимодействовать в тексте на основе выполнения общей функции) на материале текстов различных функциональных разновидностей представлен в [Кириченко 1990; Москвин 2006; Копнина 2001] и других работах.

РП создаются с учетом их восприятия адресатом, а значит, являются прямым следствием сопряженности речевых актов партнеров по общению. Благодаря этой сопряженности оказывается возможным явление речевой нейтрализации приема как «снятия» факта отклонения, при котором ненормативное, на первый взгляд, явление осмысливается как норма. По сути, именно о такой нейтрализации пишут Ф. Кифер, когда говорит о правилах переосмысления противоречивых высказываний; Н.Д. Арутюнова, отмечающая возможность сведения аномального смысла к нормальному при помощи «миропорождающего оператора»; А.Д. Шмелёв, говорящий о переосмыслении «самофальсифицируемых высказываний» путем рестрикции, и некоторые другие. Напр., отклонение от предметно-логической нормы (или принципа правдоподобия) может «сниматься» при помощи глаголов, имеющих «презумпцию нереальности Образа» (Е.В. Падучева), таких как *допустим, предположим, представим, помечтаем, пофантазируем, вообразим* и т. п., а также различного рода сочетаний типа *я это сочинил; да и где ж это видано; кажется, что; показалось, что* и т. д.: *Дым столбом валил в трубу, / Месяц с неба выл на пса, / Птицы*

пугало пугали, / Ела кошку колбаса. / Соль себя пересолила, / Мыло в шайке пену мыло, / Шалопаяев били стекла, / Пыль пошла – вода промокла / Тень отбрасывала шест – / Это все я сочинил / Покамест голову чинил (Ф. Галас. Мир наоборот) – «семантический хиазм» (термин И.В. Пекарской), основанный на операторе перестановки (мены существительных синтаксическими позициями). Нейтрализация отклонения от предметно-логической нормы здесь происходит за счет того, что речь идет не об онтологии предметной действительности, а об онтологии психического мира человека. В результате само отклонение от предметно-логической нормы воспринимается как жанровая норма для данного текста.

Совокупность РП обладает важнейшим системным качеством – качеством целостности, поскольку все РП представляют прагматически мотивированные отклонения от языковой/речевой норм или их нейтральных вариантов и выполняют общую функцию (наряду с частными специфическими функциями, свойственными тому или иному приему) – *функцию речевого воздействия и, прежде всего, экспрессивную функцию в ее разнообразных проявлениях в конкретных актах речевой коммуникации*. Сравним, напр., функции паралогических конструкций в следующих текстах, в которых сознательно нарушен закон непротиворечия.

1. *И вдруг оно* (существо. – Г. К.) *чувствует, как чья-то рука лезет в его карман, которого, вообще-то говоря, у него и нету* <...> (М. Зощенко. Голубая книга). Перед нами так называемое «самофальсифицируемое высказывание» (по А.Д. Шмелёву [Бульгина, Шмелёв 1997: 456]), в котором представлено одновременно утверждение и отрицание факта и которое в данном случае используется с целью создания комического эффекта.

2. *На кнопку нажимаю и говорю, сколько хочу. Мой «Избранный», тебя я обожаю, ведь я за разговоры больше не плачу. Безлимитный тариф «Сонет-избранный». 110 долларов в месяц – и говори, сколько захочешь. Подключение – ноль. Пакет дополнительных услуг* (Авторадио. 05.04.2003). Утверждение «больше не плачу», которое воспринимается как «больше платить не надо» (а не как «не плачу больше, чем 110 дол.), противоречит фразе «110 долларов в месяц» с эллипсисом глагола «плати». Паралогический прием используется с целью побуждения слушателя к определенному действию, выполняет суггестивную функцию.

Несмотря на разное содержание двух приведенных выше примеров, РП здесь один – отклонение от одного из логических законов с целью оказания нужного речевого воздействия на адресата.

В главе III «**Изоморфизм отклонений и синкретизм операторов их продуцирования как проявления системности риторических приемов**» предложена классификация РП и дано обоснование изоморфизма их строения.

1. Из истории изучения механизма образования риторических приемов в аспекте проблемы их классификации.

Попытки решения задачи классификации различных приемов неоднократно предпринимались исследователями: насчитывается не один десяток типологий фигур речи и тропов. Характеристика тропов и фигур в античных риториках дана в исследованиях Т.И. Кузнецовой и И.П. Стрельниковой; их описание в средневековых работах (прежде всего у Гервасия Мельклейского) у М.Л.Гаспарова, Е.А. Грипиной; в русских риториках и курсах словесности – в работах В.И. Аннушкина, Н.А. Боженковой, В.П. Вомперского, Т.В. Василенко, Н.Н. Васильковой, Р. Лахманн, Е.В. Маркасовой, Н.М. Щаренской; основания типологии тропов и фигур речи в зарубежных риториках обозначены в работах Н.А. Безменовой, Л.М. Грановской и некоторых других исследователей. Критический анализ современных классификаций РП представлен в монографии: [Копнина 2009].

В многочисленных классификациях можно увидеть определенную традицию: в истории риторики отчетливо прослеживаются два подхода к построению классификации РП – функциональный (группировка РП с точки зрения выполняемых ими функций, вызываемого их употреблением эффекта) и структурный (через описание принципов, продуцирующих РП).

Функциональный критерий при построении *общей* классификации РП на первой ее ступени непродуктивен, поскольку в реальной речевой практике нет строгой зависимости между приемом и функцией, которая задана лишь потенциально, и ее актуализация в значительной степени зависит от его контекстуального окружения. Наиболее продуктивным считаем структурный критерий, позволяющий описать механизм образования РП.

Начиная со времен античности использовались различные терминологические наименования операциональных принципов построения РП (расширение, удлинение, прибавление, добавление, распространение, увеличение, повтор, соединение, преложение, умножение,

отношение, размещение, расположение, созвучие, сокращение, усечение, пропуск, разделение, уменьшение, отъятие, умаление, перестановка, противоположение, переосмысление, перестановка, замена и т. д.) без какого-либо их упорядочения. Сопоставление разных классификаций показывает, что одни из наименований принципов содержательно дублируют друг друга, хотя и используются применительно к разным объектам (ср.: перенос и преложение, расчленение и разделение), другие оказываются соотнесенными между собой (напр., пропуск может трактоваться как тип уменьшения; повтор – как тип увеличения). Выделяемые нами типы отклонений и опыт детализации операциональных принципов представлены в параграфе 2 «Понятие типа отклонения и проблема иерархии операторов».

Выделяются два родовых типа прагматически мотивированных отклонений: отклонения от языковой нормы или ее нейтрального варианта и отклонения от речевой нормы или ее нейтрального варианта.

Отклонения от собственно языковой нормы или ее нейтрального варианта могут быть классифицированы в соответствии с *частично отражающей структурой языка* типологией нормы. Таким образом, в рамках отклонений этого типа выделяются следующие подтипы отклонений.

1. *Отклонения от фонетической (орфоэпической, акцентологической, интонационной) нормы или ее нейтрального варианта.*

Риторическими отклонениями от орфоэпической нормы («звуковыми приемами»), поскольку отклонение осуществляется в речи, а значит, можно говорить только о звуках, или аллофонах) вслед за Ю.В. Рождественским называем такое искажение звукового облика слова, которое не влечет за собой изменение его денотативного лексического значения. Ср.: – *Ну дык... – я начал придуриваться, подражая речи матери. – **Ндравится*** (Р. Солнцев. Диалоги с Платоновой) – эпентеза без изменения значения слова.

Для нейтрального стиля произношения характерен средний темп речи, при котором говорящий не ставит задачи что-либо подчеркнуть, выразить свои чувства. Соответственно, прагматически мотивированное отклонение от этого стиля (напр., прием ускорения речи как уловка в споре) также является РП.

2. *Отклонения от лексической и фразеологической норм или их нейтральных вариантов.*

Отклонением от нейтрального варианта лексической нормы считаем так называемые «языковые тропы» (переносное значение таких

слов, как правило, закреплено в толковых словарях). Напр.: *Небо с мерцающими звездами будило эти мысли и у Стеши, и у Саши, и у всех десятиклассников <...>* (А. Кузнецова. Честное комсомольское) – ср. нейтральный вариант: *вызывало мысли*.

3. *Отклонения от словообразовательной нормы или ее нейтрального варианта.*

Как отклонения от нейтрального варианта нормы могут рассматриваться «потенциальные слова», составляющие «запасник» словообразовательной нормы, которым в узусе обычно соответствуют словообразовательные лакуны или дублетные, имеющиеся в языке именованья, напр.: *Это мои «размыслизмы»* (АиФ. 2002. № 39).

4. *Отклонения от морфологической нормы (нормы формообразования и нормы употребления грамматических форм слова) или ее нейтрального варианта.*

Отклонением от нейтрального варианта нормы признаются те случаи употребления морфологических форм в несвойственном им значении (грамматические тропы), которые прочно закрепились в русском языке и рассматриваются в грамматиках, напр.: *Прилетит как-нибудь в хорошую погоду в деревню на самолете, **сядет** у единственного магазина, **заберет** Татьяну, и **летят** они дальше* (АиФ. 2005. № 12) – использование глаголов будущего и настоящего времени в значении прошлого.

5. *Отклонения от синтаксической нормы или ее нейтрального варианта.*

За «нейтральную структуру предложения» [Скребнев 1975] (за «синтаксическую нулевую ступень») принимается минимально законченное предложение, то есть элементарная двусоставная (подлежаще-сказуемая) модель, характеризующаяся нормальным, обычным для языка порядком следования компонентов, их грамматической сочетаемостью (взаимной упорядоченностью, согласованностью) и исполняющая обычную (не переосмысленную) синтаксическую функцию. Отклонением от нулевой ступени являются, напр., чрезмерные нагромождения, множественные цепочки подчинения и сочинения.

В отдельную подгруппу отклонений от норм языка с оговорками можно отнести *отклонения от норм правописания (орфографических и пунктуационных норм) и норм графических*.

Прагматически мотивированные **отклонения от речевой нормы или ее нейтрального варианта**, по сравнению с отклонениями от нормы собственно языковой, описаны в меньшей степени. Многие из

них не имеют общепринятых наименований или вообще не являются терминированными. В рамках этого типа отклонений выделяются следующие подтипы.

1. *Отклонения от норм функционально-стилистических, в том числе норм стилиевых, жанровых, норм повествовательного дискурса.*

«Нулевой ступенью» при описании отклонений от композиционной (повествовательной в узком смысле) нормы для исследователей служит естественный хронологический порядок (от экспозиции и завязки последующих событий). Поэтому в «Энеиде» (произведение начинается с середины странствий Энея, а предшествующие события излагаются позже) мы имеем «отклонение сюжетной последовательности изложения от фабульной последовательности событий» [Гаспаров 1997: 619].

2. *Отклонения от ситуационно-речевых норм.*

Муж очень поздно возвращается домой. Открывает дверь, перед ним стоит жена, в руке сковородка. Муж: – Иди ложись спать, я не голодный... (Телесемь. 19-25.11.2007) – высказывание мужа расхожится с ситуацией (отклонение от ситуационно-речевой нормы в комической функции при помощи оператора аттракции на основе противоречия – расхождение высказывания с предметно-ситуационным фоном).

Отклонения от ситуационно-речевой нормы практически не описаны в научной литературе. Имеются лишь отдельные наблюдения над «неадекватными высказываниями» у В.Г. Гака, несоблюдением социальных рангов и ролей у Б.Ю. Нормана, нарушениями исполняемой роли у К.А. Долинина (на материале французского языка) [Гак 2004; Норман 2006; Долинин 1985].

3. *Отклонения от информационно-речевой нормы.*

Отклонением от информационно-речевой нормы является, напр., прием излишней детализации.

За нейтральный вариант информационно-речевой нормы признается эксплицитное выражение мыслей, отсутствие подтекста. Отклонениями от нейтрального варианта являются косвенные высказывания и аллюзии.

4. *Отклонения от логико-речевой нормы (формально-логической и предметно-логической).*

Отклонения от формально-логической нормы классифицируются в зависимости от того, от какого закона логики происходит отклонение: отклонения от закона тождества, отклонения от закона проти-

воречия, отклонения от закона достаточного основания. Отклонения от предметно-логической нормы могут классифицироваться в зависимости от типа нарушаемой в дескрипции онтологической нормы.

На факты отклонения от предметно-логической нормы, или «виртуального» отклонения от онтологических норм, обращали внимание не только в литературоведении, но и в лингвистике, однако, как правило, не в связи с проблемой классификации выразительных средств языка. Их называли отклонением от «норм психического абсолюта» (В.И. Болотов), «отходом от стереотипа жизни», «отклонением от среднестатистического стандарта» (Н.Д. Арутюнова), «приемами нарочито неправдоподобного описания» (В.П. Москвин), «металогизмами (представители Льежской школы риторики), «нарушениями эмпирических презумпций» (В.Н. Телия).

5. Отклонения от этико- и эстетико-речевой нормы.

Разновидностью этико-речевой нормы является норма речевого этикета, отклонение от которой используется с целью создания комического эффекта, напр., в повести-сказке Л. Лагина «Старик Хоттабыч», в которой в речи школьника на экзамене появляются обращения, не свойственные русскому речевому этикету: *«о высокочтимый мой учитель»*, *«о достойнейший из учителей»*.

Этико-речевые и эстетико-речевые нормы, обладая относительной самостоятельностью, тесно связаны друг с другом, поскольку в их основу положены ценностные категории: добро, долг, совесть, честность, искренность, благожелательность, уважительность к собеседнику, справедливость, ответственность и др., – а неоправданные отклонения от этико-речевой нормы, как правило, являются нарушением риторического идеала, основанного на категории прекрасного.

Вопрос о прагматической мотивированности некоторых отклонений от этико-эстетической нормы является не бесспорным.

6. Отклонения от «принципа нерегулярности текстовой структуры» (среднестатистической нормы упорядоченности текста) как нейтрального варианта речевой (текстовой) нормы.

К названному подтипу отклонения мы относим РП, основанные на повторе (аллитерация, ассонанс, анафора, эпифора и т. д.), а также на совмещении в тексте единиц одной парадигматической группы, напр.: *В России одно из двух: или харизматический лидер, или мараматический* (АИФ. 2001. № 8) – совмещение паронимазов (прием паронимической аттракции).

Существуют приемы, основанные на отклонениях от норм разного типа, напр.: – *Я – первый... Я – первый... Вызываю наземную службу. Высота 5000 метров. Горючее кончилось. Передайте инструкции...* / – *Наземная служба... Первый... Первый, **повторяй за мной: «Отче наш, иже еси на небеси...»*** (Анекдоты от Михалыча. М., 2005) – отклонение от социальной роли при помощи оператора замены: содержательная часть инструкции заменяется молитвой, неуместной с этической точки зрения в данной ситуации (отклонение от ситуационно-речевой и этико-речевой норм).

Отклонение от нормы осуществляется при помощи операторов (операциональных принципов): уменьшения, увеличения, переноса, замещения и расчленения. Эти операторы традиционно выделялись в риторике, но *не подвергались детализации*. Между тем в рамках первых трех принципов можно выделить разновидности.

Уменьшение может быть представлено **усечением** (сокращением элемента за счет отсечения его крайнего (-их) компонента (-ов) в синтагматической цепи) и **пропуском** (незамещением в синтагматической цепи срединной позиции), напр.: *И Леля стала тонуть. Казалось, будто кто-то тянет ее за ноги и не дает вырваться. Течение быстрое, вода холодная, а Леля слабая женщина, слабая, сла... / Очнулась на берегу* (Э. Русаков. Сюзанэ с павлинами) – апокопа, продуцируемая на основе оператора усечения и состоящая в умышленном недоговаривании конечной части слова (в данном случае – с целью отображения стремительности происходящего); *Тебе дают песочные часы и белую трубку с лекарственным вкусом, ее надо сначала **повернуть скосом вправо – и в рот*** (Ю. Тамкович-Лалуа. Разговоры еле слышны) – незамещение синтаксической позиции (эллипсис) сказуемого, продуцируемое при помощи оператора пропуска (опущения).

Оператор **увеличения** может быть представлен **удлинением** (увеличением в протяженности звучания) элемента, **повторением** (воспроизведением элемента), **совмещением** (сопряжением, сосуществованием в контексте) и **добавлением** (присоединением новых элементов; распространением посредством новых компонентов, или развертыванием), напр.: *Он вообще бойкий братик. Может такое **натворить, тако-о-о-е**, что даже трудно себе представить* (М. Дружинина. Супержелезяка) – увеличение длительности звука (оператор удлинения), что иконически передает эмоциональную оценку автора; *Но уже помимо нее, по своей воле другая какая-то скрипка*

взвилась **выше, выше, выше** и замирающей болью, затиснутым в зубы стоном оборвалась в поднебесье, у той одинокой остроугольной звезды... (В. Астафьев. Последний поклон) – геминация как прием, продуцируемый многократным контактными повторением слова (или словосочетания, предложения) и являющийся отклонением от нормы нерегулярности текстовой структуры; *Обнаружен мальчик, воспитанный черепахами. Отличается от обычных мальчиков чуть более толстой скорлупой и желанием закопаться в песок* (Твой Додыр. 2001. № 2) – отклонение от предметно-логической нормы, продуцируемое при помощи оператора совмещения признаков человека и животного; – *Дайте мне почитать детектив, но чтобы он был по-настоящему захватывающим. / – Вот это то, что вам нужно. Здесь только в самом конце узнаешь, что убийца – дворецкий* (Всем, всем, всем! 09.09.2005) – излишняя детализация в ответе (оператор развертывания, или расширения, осуществляющий отклонение от информационно-речевой нормы).

Совмещение, или сопряжение, существует в двух разновидностях: 1) **аттракция** (< лат. *tractio* – притяжение) как неконтактное совмещение (сближение, совместная встречаемость) в узком контексте элементов, однородных в каком-либо отношении, напр.: *Я рад, что знаю вдохновенье, / оно не раз во мне жило, / оно легко, как дуновенье, / и, как похмелье, тяжело* (И. Губерман) – совмещение антонимов; 2) **контаминация** в широком смысле как контактное совмещение двух или более элементов, близких друг другу в каком-либо отношении (вставка; наложение, или контаминация в узком смысле; сращение, или соединение), напр.: *СкандаЛиза* (название рассказа; ЛГ. 2005. № 34-35) – контактное совмещение способом наложения: скандал + Лиза.

Оператор **переноса** (перемещение элемента или элементов на другое место) может быть двух типов: **синтагматический перенос** как перенос, основанный на линейной соотнесенности элементов, и перенос **парадигматический** (ассоциативный), связанный с отношением противопоставления/отождествления элементов в системе.

Типами синтагматического переноса являются: **перестановка** (мена элементов местами) и **смещение** (перемещение, сдвиг элемента относительно первоначальной позиции). Напр.: *Старееет она, и ей все хуже и хуже* (В. Лихоносов. Марея) – инверсия (ср.: Она стареет, и ей все хуже и хуже), продуцируемая при помощи оператора перестановки; *Дней канитель. Я посреди / пути стою: мне ровно сорок. / А вле-*

реди – дремучий морок. / И бомба тикает в груди (Э. Крылова) – не только инверсия, но и прием синтаксического переноса, основанный на смещении части фразы, ее перенесении с одной строки на другую.

Парадигматический перенос может быть представлен **семантическим переносом** (семантической транспозицией) и **конверсией** (переходом элемента из одной категории в другую). В качестве иллюстрации действия этих операторов приведем такие высказывания: *И вот грохнуло. Раскатилось канонадой. Темнота разлетелась. Стало видно, как днем* (И.Н. Бойко. Все живут...) – метафора, ведущим операциональным принципом продуцирования которой является семантическая транспозиция по сходству; *За окном моим летали / две веселые свистели. / Удалые щebetали / куст сирени тормозили* (А. Левин. Разные летали) – использование глаголов прошедшего времени в качестве существительных (оператор конверсии).

Описание механизма образования РП подразумевает определение типа отклонения и его оператора, за счет чего осуществляется определение места данного приема в общей системе РП.

Предложенная в исследовании классификация, с одной стороны, развивает традиционные положения теории фигур (она основана на идее отклонения и наличии принципов, продуцирующих это отклонение), с другой – положения представителей Льежской школы риторики, выдвинувших понятие «оператора», и идеи А.П. Сковородникова о системности РП.

Доказательством системности РП является существование **синкретичных приемов**, то есть приемов, построенных на основе двух и более принципов. Эти приемы рассматриваются в параграфе 3 «Синкретизм операторов при продуцировании риторических приемов».

На основе анализа речевых фактов выделяются два типа синкретизма:

1) **внутритиповой** (синкретизм операторов, осуществляющийся в рамках группы отклонений от нормы одного типа), напр.: *А кто же ее не любит – жизнь-то?* (Комсомольская правда. 24.09.1999) – иллизм как отклонение от синтаксической нормы, осуществляемое за счет оператора расчленения (разделение структуры предложения на две части), оператора перестановки и оператора повтора синтаксической позиции (грамматического плеоназма);

2) **межтиповой** (синкретизм операторов, осуществляющийся на основе отклонений от норм разного типа), напр.: *Я пришел к вам с миром. С уголовным* (Московский комсомолец. 18.03.1999) – прием

«синтаксической аппликации» (термин Е.Н. Рядчиковой) – особый случай парцелляции, когда при подключении парцеллята происходит изменение не только актуального членения базового предложения, но и значения отдельных слов в его составе или его синтаксического статуса; происходит, с одной стороны, отклонение от собственно языковой нормы при помощи оператора расчленения, с другой – от логико-речевой нормы при помощи оператора наложения омонимов: *мир₁* – «согласие, отсутствие вражды» и *мир₂* – «объединенное по опред. признакам человеческое сообщество».

Синкретизм операциональных принципов, продуцирующих тот или иной прием, может быть также 1) **горизонтальным** (когда операторы реализуются последовательно друг за другом), напр.: *Шесть машин стоят подряд, / Все стоят и все гудят. / Все гудят и все стоят – / Ни вперед и ни назад* (Г. Сапгир. Отчего и почему) – хиазм, продуцируемый при помощи повтора и перестановки; 2) **вертикальным** (операторы действуют одновременно), напр.: *А в двери – / бушлаты, / шинели, / тулупы...* (В. Маяковский. Хорошо!) – метонимия, продуцируемая при помощи оператора пропуска с заменой грамматических форм и оператора переноса (ср.: *А в двери – люди в бушлатах, шинелях, тулупах*).

Наличие *синкретичных* РП (построенных на основе нескольких принципов) позволяет предположить полевой характер системы РП, обоснование которого во всех звеньях предъявленной системы предполагает самостоятельное исследование.

Выявленные операторы обладают полным или частичным изоморфизмом в разных типах отклонений. Этот изоморфизм (или логические гомологии, по Берталанфи [Садовский 2004]) описан в параграфе 4 «Изоморфизм риторических приемов с точки зрения механизма их образования».

Проиллюстрируем изоморфизм построения РП различного типа на примере действия операторов переноса как одного из самых продуктивных.

1. Изоморфизм операторов синтагматического (линейного) переноса: перестановки и смещения.

Можно мозжечокнутьсь? Сабо самой (название статьи Т.В. Зайковской в журнале «Русская речь». 1993. № 6) – отклонение от орфоэпической нормы на основе перестановки звуков; *Если хочешь, чтобы другой все-таки попал в яму – вырой их две* (ГД. 08-14.04. 2002) – отклонение от фразеологической нормы на основе переста-

новки местами компонентов устойчивого сочетания, ср.: *рыть яму кому-л.; Хоть и хочется думать: не та это молодежь, что читает «МегаХаус», а та, что читать-то не умеет вовсе, – сделать вид, что нас вся эта мерзость не касается, что бунты пьяных ничтожеств – не наш формат, уже не получится. Коснулось потому что* (МК. 15-22.04.1999) – помимо парцелляции, имеется инверсия: подчинительный союз в конце придаточной части (отклонение от синтаксической нормы), ср.: *...потому что коснулось; Безумные к^ол^ес^ки* (название рассказа; СГ. 30.10.2002) – смещение букв как отклонение от графического написания слова; *Камень, упавший в воду, всегда попадает в центр круга!* (Телесемь. 15-21.10.2007) – мена местами причинно-следственных отношений как отклонение от формально-логической нормы: круг возникает в результате падения камня в воду, но не наоборот; *За что **Вы** мне, доверчивой, достались?! / Наверное, подосланы судьбой, / И эта стерва, злобно усмехаясь, / Взялась поиздеваться надо мной. / Мои друзья, нисколько не таясь, / Честят **Вас** неприличными словами. / И правы. **Вас** все время тянет в грязь, / И я туда же – вместе с **Вами!** / **Вы** подло поджидаете потом, / Чтоб подвернуться в самый страшный случай... / И я опять лежу в пыли лицом. / **Вы**... Кто позволил Вам меня так мучить?! / Молчала долго (трусость да заминки). / Теперь хочу признаться не боясь, / Что я не просто презираю **Вас**, / Я ненавижу Вас, **Мои Ботинки!*** (Д. Уланова. Признание в ненависти) – антиципация как отклонение от нейтрального варианта текстовой нормы: предвосхищающий (антиципирующий) компонент находится до прямого обозначения объекта (причем в самом начале текста), о котором идет речь.

2. Изоморфизм операторов парадигматического переноса: переноса значения (транспозиции) и конверсии.

*Тут были и **статные красавицы** (о деревьях. – Г.К.) во цвете сил, и **могучие старцы**, украшенные, как медалями, зеленоватыми бляшками лишайников, и **хилые болезненные инвалиды** с заросшими следами от топора бездушного человека, который ради глотка березового сока не постыдился поранить дерево* (Н. Волков. Не дрогнет рука) – метафорическое олицетворение как отклонение от лексической нормы, образуемое при помощи оператора переноса значения по сходству; *Сейчас, даже при искреннем желании обмануться, почти невозможно было поверить в соответствие продаваемого **внешнего** подразумеваемому **внутреннему*** (В. Пелевин. Generation «П») – отклонение от словообразовательной нормы на основе оператора кон-

версии: прилагательные используются в роли существительных (прием метабазиса); *Сколько горцев вывозилось в Москву для совершения заказных убийств и исчезло потом на родине – пойдя арестуй их там* (МК. 18-25.11.1999) – употребление глагола в повелительном наклонении в значении изъявительного (оператор транспозиции) как отклонение от морфологической нормы; – *Алло, вы «скорую» вызывали?/ – Да! / – Выходите. Машинка подъехала* (Телесемь. 14-20.06.2010) – отклонение от ситуационно-речевой нормы: перенос высказывания, характерного для ситуации вызова такси, в ситуацию вызова скорой помощи; *Эпидемия птичьего гриппа привела к тому, что кукушки сами спрашивают у прохожих, сколько им жить осталось* (Телесемь. 20-26.11.06) – отклонение от предметно-логической нормы на основе переноса человеческих свойств на птицу.

Изоморфизм базовых операторов (уменьшения, увеличения, переноса, замещения и расчленения), реализующих различные типы отклонений, обеспечивает системность РП.

В **Заключении** диссертации приводятся факты, подтверждающие гипотезу о том, что РП представляют собой системное образование:

1) наличие у РП системообразующего свойства и общего принципа построения – прагматически мотивированного отклонения от языковой/речевой норм или их нейтрального варианта;

2) моделируемость РП как воспроизводимость по образцу, что связано как с моделируемостью речевой деятельности человека в целом, так и с наличием продуцирующих приемы операциональных принципов (описание модели осуществляется через описание «технологии» отклонения);

3) функциональная общность как выполнение функции речевого воздействия, прежде всего, экспрессивной функции в ее разнообразных проявлениях, что является следствием вхождения РП в единства более высокого порядка – в систему языка и систему речи;

4) способность РП к нейтрализации как снятию отклонения: а) контекстуальной, или речевой (отклонение начинает восприниматься как прием, являющийся речевой нормой для данного контекста); б) языковой (речевая единица становится фактом структуры языка) – что свидетельствует о динамическом характере системы РП, который подтверждается также наличием синкретичных РП как приемов, образуемых на основе двух и более принципов;

5) изоморфизм РП с точки зрения принципов их построения – общего и операциональных.

Дальнейшие перспективы исследования прагматически мотивированных отклонений автор видит в разработке проблемы функций РП в зависимости от механизма их образования и уточнении отдельных микросистем приемов; приложении предложенной классификации РП к другим языкам; сопоставлении особенностей функционирования отдельных микросистем РП в разных языках; усовершенствовании методики обучения прагматически мотивированному и эффективному использованию РП.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Монография

1. Копнина, Г.А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография [Текст] / Г.А. Копнина. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 576 с. (35, 28 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ

2. Копнина, Г.А. Об определении понятия «риторический прием» [Текст] / Г.А. Копнина, А.П. Сковородников // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 75-80 (0,2 п. л.).

3. Копнина, Г.А. О классификации риторических приемов [Текст] / Г.А. Копнина // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 88-95 (0,5 п. л.).

4. Копнина, Г.А. Понятия и термины элокуции: проблема системного описания (на материале книги Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной «Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов») [Текст] / Г.А. Копнина // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2004. – № 4. – С. 38-41 (0,5 п. л.).

5. Копнина, Г.А. Отклонение от онтологической нормы как риторический прием [Текст] / Г.А. Копнина // Русская речь. – 2005. – № 5. – С. 45-51 (0,4 п. л.).

6. Копнина, Г.А. О прагматически мотивированном отклонении от постулатов речевого общения как риторическом приеме

[Текст] / Г.А. Копнина // Мир русского слова. – 2006. – № 4. – С. 70-73 (0,3 п. л.).

7. Копнина, Г.А. Понятие нейтрализации в теории риторических приемов [Текст] / Г.А. Копнина // Филологические науки. – 2007. – № 1. – С. 70-77 (0,5 п. л.).

8. Копнина, Г.А. Из опыта классификации риторических приемов русского литературного языка [Текст] / Г.А. Копнина // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С. 49-51 (0,5 п. л.).

***Статьи в научных сборниках и докладах,
представленные на научных конференциях***

9. Копнина, Г.А. Вопросы классификации риторических приемов [Текст] / Г.А. Копнина // Риторика ↔ Лингвистика: сборник статей. Вып. 5. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 21-33 (0,7 п. л.).

10. Копнина, Г.А. Современная теория элокуции и учение М.В. Ломоносова об украшении речи [Текст] / Г.А. Копнина // М.В. Ломоносов и развитие русской риторики: материалы Международной конференции (Москва, 24 ноября 2004 г.). – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – С. 76-80 (0,3 п. л.).

11. Копнина, Г.А. Отклонение от онтологической нормы как риторический прием на страницах современных российских газет [Текст] / Г.А. Копнина // Язык современной публицистики: сборник статей / сост. Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 162-178 (0,8 п. л.).

12. Копнина, Г. А. О принципах построения приемов неправдоподобия [Текст] / Г.А. Копнина // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: материалы XI Филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / отв. ред. Б.Я. Шарифуллин. Вып. 6. – Красноярск, 2006. – С. 197-202 (0,4 п. л.).

13. Копнина, Г.А. О лингвистическом статусе приема олицетворения [Текст] / Г.А. Копнина // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сборник материалов международной научной конференции. Красноярск, 21-23 сентября 2005 г. / отв. ред. А.П. Сквородников. – Красноярск, 2005. – С. 124-134 (0,7 п. л.).

14. Копнина, Г.А. Понятие нормы и проблема его системного осмысления в цикле коммуникативных дисциплин [Текст] / Г.А. Копнина // Речевое общение: специализированный вестник: филологические дисциплины в высшей школе / Краснояр. гос. ун-т; под ред.

А.П. Сковородникова и Л.В. Фарисенковой. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005. – С. 29-39 (0,7 п. л.).

15. Копнина, Г.А. Дискуссионные вопросы изучения принципов (постулатов) речевого общения [Текст] / Г.А. Копнина // Филология – Журналистика 2006: сборник научных статей, посвященных 25-летию факультета филологии и журналистики КрасГУ / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2006. – С. 58-72 (0,9 п. л.).

16. Копнина, Г.А. Мотивированное отклонение от принципа правдоподобия как риторический прием: опыт описания [Текст] / Г.А. Копнина // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции (Смоленск, 3-4 октября 2006 г.). – Смоленск: Смоленск. обл. книжн. изд-во «Смядынь», 2006. – С. 246-259 (0,8 п. л.).

17. Копнина, Г.А. О системном осмыслении понятия нормы в цикле коммуникативных дисциплин [Текст] / Г.А. Копнина // Вестник Красноярского государственного технического университета. Вып. 41. Культура и образование / отв. ред. И.А. Пфаненштиль; отв. за вып. М.В. Румянцев. – Красноярск: ИПЦ КГПУ, 2006. – С. 177-183 (0,7 п. л.).

18. Копнина, Г.А. О системе риторических приемов современного русского литературного языка [Текст] / Г.А. Копнина // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Международной научной конференции (Иркутск, 10-13 сентября 2007 г.) / под ред. М.Б. Ташлыковой. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. – С. 551-557 (0,4 п. л.).

19. Копнина, Г.А. О системных свойствах риторических приемов в современном русском литературном языке [Текст] / Г.А. Копнина // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сборник материалов II международной научной конференции (Красноярск, 10-12 сентября 2007 г.) / гл. ред. К.В. Анисимов; Институт естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета. – Красноярск, 2007. – С. 38-41 (0,4 п. л.).

20. Копнина, Г.А. Принципы, постулаты эффективного речевого общения и коммуникативные качества хорошей речи: вопросы корреляции [Текст] / Г.А. Копнина // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты: материалы международной научной конференции. Вып. I. – Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2007. – С. 152-154 (0,3 п. л.).

21. Копнина, Г.А. «Краткое руководство к красноречию...» М.В. Ломоносова и современные отечественные риторика: опыт сопоставительного анализа [Текст] / Г.А. Копнина // М.В. Ломоносов и современные стилистика и риторика: сборник статей / науч. ред. И.Б. Александрова, В.В. Славкин. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 259-282 (1 п. л.).

22. Копнина, Г.А. К основам классификации риторических приемов [Текст] / Г.А. Копнина // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: материалы XIII Всероссийских филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб (1929 – 1995) / науч. ред. Б.Я. Шарифуллин; Сибирский федеральный университет. Вып. 8. – Красноярск, 2008. – С. 200-202 (0,5 п. л.).

23. Копнина, Г.А. Норма как базовое понятие теории компетенций языковой личности [Текст] / Г.А. Копнина // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11 / под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. – С. 26-33 (0,3 п. л.).

24. Копнина, Г.А. Теория риторического приема: зарождение и развитие [Текст] / Г.А. Копнина // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сборник научных работ, посвященный 80-летию доктора филологических наук, профессора А.П. Сковородникова / Сибирский федеральный университет; под ред. Г.А. Копниной. – Красноярск, 2009. – С. 172-183 (0,7 п. л.).

Учебное пособие

25. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование [Текст] / Г.А. Копнина. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 176 с. (7 п. л.).

Словарные статьи в энциклопедических словарях

26. Копнина, Г.А. Парцелляция [Текст] / Г.А. Копнина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 279-282 (0,3 п. л.).

27. Копнина, Г.А. Антиметабола [Текст] / Г.А. Копнина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 55-56 (0,04 п. л.).

28. Копнина, Г.А. Апокопа [Текст] / Г.А. Копнина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред.

Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 75-76 (0,08 п. л.).

29. Копнина, Г.А. Геминация [Текст] / Г.А. Копнина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 127-128 (0,08 п. л.).

30. Копнина, Г.А. Иллеизм [Текст] / Г.А. Копнина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 204-205 (0,04 п. л.).

31. Копнина, Г.А. Кольцо [Текст] / Г.А. Копнина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 249-250 (0,06 п. л.).

32. Копнина, Г.А. Редупликация [Текст] / Г.А. Копнина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 547-549 (0,1 п. л.).

33. Копнина, Г.А. Хиазм [Текст] / Г.А. Копнина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 745-746 (0,07 п. л.).

34. Копнина, Г.А. Эпифора [Текст] / Г.А. Копнина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 783-784 (0,1 п. л.).

35. Копнина, Г.А. Канцеляризм [Текст] / Г.А. Копнина // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С.151-153 (0,2 п. л.).

Тезисы

36. Копнина, Г.А. Об одном из дискуссионных вопросов классификации фигур речи [Текст] / Г.А. Копнина // Риторика в свете современной лингвистики: тезисы докладов Пятой межвузовской конференции (4-5 июня 2007 г.). – Смоленск: СмолГУ, 2007. – С. 51-54 (0,2 п. л.).